

Погиб Поэт...

Памяти Алексея Кожевникова

В мае 2024 года наш Очер осиротел. Проклятая война отняла у нас замечательного человека — Алексея Сергеевича Кожевникова. Он погиб в борьбе с неонацизмом, погиб как настоящий русский витязь, смертью смерть поправ, совершив великий подвиг во имя Отчизны и за други своя. Но мы потеряли не только Учителя, Тренера и Солдата. Погиб Поэт, который так и не спел свою главную песню. Господи, я до сих пор не могу поверить, что пишу о нем, как о мертвом...

СОЛДАТСКИЙ МОВИЗМ

*Я на людей смотрел открыто,
А на врагов — через прицел.*

Так пишут стихи солдаты. На бруствере окопа. В тесном блиндаже. Под тусклый свет лампы-коптелки из снарядной гильзы. На коленке, от дождя прикрывая ладонью лист бумаги или экран мобильного. В редкие минуты передышки. Пока вражеская «арта» перезаряжается. Пока не жужжит над тобой смертоносная «Баба Яга». Чаще всего вместо сна и отдыха. Нервно вслушиваясь в обманчивую тишину, цепко всматриваясь в ночную непроглядь. Торопясь. Позабыв про знаки препинания и чистописание. Не до них. Некогда. Потому что скоро бой. Потому что до смерти, как в песне — четыре шага. А то и меньше...

У солдат даже в мирной жизни подобная манера письма сохраняется, как неистребимая фронтовая привычка. Перефразируя пермского поэта Владислава Занадворова, павшего смертью храбрых во время Сталинградской битвы:

*Это — кровью омытые строки мои,
Что написаны криво на ложе винтовок.*

Да, пусть криво. Кое-где с точки зрения формы даже корявенько. Зато по содержанию — буря ярких эмоций, сгусток беспощадной правды, пронзительная до слёз искренность.

Все это не ново. Так, поспешая жить, писал строевую песню комиссар-буденновец Бахтуров, вскоре погибший в сабельной рубке с беляками. Так писали бесстрашная Марютка из повести Бориса Лавренева «Сорок первый», боец Сашка Лебедев из одноименного рассказа Виктора Астафьева.

Так пишут стихи мои друзья-очерцы Толя и Женька, которые сражаются сейчас с украинскими нацистами. Примерно там, где пал на поле боя поэт и воин Алексей Кожевников.

Над ними порой подтрунивали. Чаще по-доброму. Но, бывало, и с непонятной злобой. Едкие критики всех мастей, будто вороньё, всегда рады наброситься на первые, трогательно незащитные стихи начинающих поэтов. Доставалось и Алексею — били прямо под дых, с садистским наслаждением, стремясь навсегда отбить охоту к творчеству, на корню загубить зарождающийся талант. Даже сейчас, когда его нет рядом с нами, когда он уже не может ответить, находят желчные завистники, диванные эксперты, любители втихаря поглумиться над любой святыней. Отвечу за своего товарища: остыньте, господа! На вас оценивать Алексея. Сперва покочайте с его, пострадайте, с его повоюйте хоть бы год. А потом критикуйте на здоровье, если пыл не пропадет...

С легкой руки писателя Валентина Катаева в литературе появился термин — «мовизм». От французского — дурно, плохо. Плохо не в смысле — ужасно, бесталанно, безграмотно. А просто нарочито небрежно, шероховато. С заусенцами, за которые как раз и цепляются взгляд и память. Отсюда — ломаный ритм, неточные и разноударные рифмы, похожие на отголоски дальнего боя. Сочиняя стихи, Алексей, словно разведчик, передвигался по пересеченной местности, натываясь на препятствия. Позволил обстановка, препятствие можно устранить. Не позволит — лучше обойти. Как там в русской поговорке — умный в гору не пойдет?

Мовизм — это поэзия жизни, искра романтики, поступь свободы, попытка не потеряться в стремлении к совершенству, не раствориться в «правильных» стихах. Правда, за это определение как за спасительную соломинку ухватились трудолюбивые и плодовитые графоманы. Дескать, я не нечаянно плохо пишу, а специально. Мол, стиль у меня такой, я так вижу! Однако их сразу выдадут суетливая неискренность, эмоциональная бедность, эгоистичное мелкотемье или, наоборот, бесплодные потуги объять необъятное. Но это точно не про Алексея Кожевникова. Вряд ли он даже знал такое

слово — «мовизм». Алексей понимал, что его стихи далеки от идеала. Однако учился, от строчки к строчке, от стихотворения к стихотворению. Учился быстро, схватывая все на лету. И со временем вырос бы в большого поэта. Он ежеминутно искал свое место в литературе. Просто не успел...

ВЗАИМНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ

У него почти не было времени, чтобы осмыслить и тем более переосмыслить прожитый день — весь в движении. Ни отдохнуть, ни перекурить, ни собраться с мыслями. Алексей не мог себе позволить, как многие поэты, отделиться от мира, закрыться ото всех и вся, наслаждаясь творчеством, шлифуя каждую строчку. Он постоянно был среди людей. Именно люди вдохновляли его на творчество, только рядом с людьми он чувствовал свою востребованность.

Многие экзальтированные поэты плачутся, впадают в депрессию от невнимания: не пишется им, видите ли, не может. Личности творческие иной раз желают ложками черпать чужие похвалы, пусть даже льстивые, чтобы казаться выше, умнее,

талантливей. Популярнее, хайповее. Вот только сами забывают поворачиваться лицом к людям. Алексей Кожевников был не из тех, кто в этом нуждался. Он и так был всегда на виду. Как-то мы шли с ним от сливного

моста до перекрестка улиц Ленина и Октябрьской. Весь путь — от силы минут десять неспешного ходу. Но шли мы почти час. Вот ведь как — почти каждый встречный очерёц оказывался другом Алексея, приятелем, соседом, учеником, папой или мамой ученика, воспитанником, знакомым, знакомым знакомого. Его рука устала от рукопожатий — для каждого он нашел время поговорить, участливо поинтересоваться о жите-бытье, одарить добрым словом или дельным советом. Алексея тоже о чем-то спрашивали, на мой взгляд, об одном и том же, о каких-то пустяках, но он терпеливо, с той самой ненапрянутой вежливостью, что идет от воспитания, с одинаково доброжелательной улыбкой отвечал на вопросы — будь перед ним достопочтенная пожилая женщина или восьмилетний мальчуган.

— Пишете, Алексей Сергеевич? — с забавной наглостью спросил его один такой расхристаный сорванец. — Есть что новенькое? Сбачаете?

— Пишу, — улыбнулся Алексей и пошутил: — Рифма, правда, пока хромает. Как раненый боец.

Он не поленился порыться в своем телефоне, отыскал нужные стихи и прочел:

Быть патриотом не зазорно.

Главней всего — любить страну.

А потом еще — про солдатскую службу, про боевых друзей-спецназовцев. Пацан внимательно слушал, весь как-то посерьезнел, подобрался, выпрямился, заправил вылезшую из-под ремня рубашку, прощаясь, по-взрослому пожал Алексею руку и не поскакал вприпрыжку домой, а солидно пошел, с достоинством будущего защитника Родины. Вот что значит сила поэзии, особенно из уст достойного автора...

ШКОЛА ЖИЗНИ

После него осталась книга «Стихи тренера и солдата. Первый опыт». Стихи Алексея сотканы из обыкновенных слов, доступных всем. Этими словами мы пользуемся каждодневно. Хвалим кого-то, ругаемся, кричим и шепчем, восторгаемся красотой и обличаем подлость, оплакиваем близких и объясняем в любви. Но в стихах Алексея эти простые слова будто бы оживают.

В своих самых ранних и тех стихах, что стали, увы, последними, Алексей Кожевников не уставал воспевать чувство товарищества, боевого братства. Недаром в их строках часто встречаются слова «брат», «братишка», «прикроем». Он ведь и на войну пошел только затем, чтобы прикрыть спины своим братьям по оружию.

Подрывы БМП и взрыв гранат —

По-прежнему я это вспоминаю.

И как ранение наш получил комбат...

Теперь его за «третьей» поминаем.

Как нужны были бы сейчас его стихи там, на передовой...

В одном из своих стихотворений Алексей Кожевников откликнулся на трагические события 20 сентября 2021 года, когда в стенах Пермского университета обезумевший от злобы отморозок открыл стрельбу по ни в чем не повинным людям.

Опять с оружием пацан...

И вновь стреляют в беззащитных.

Алексей знал, откуда растут корни подобной агрессии — из выгребных ям Интернета, из вседозволенности, из бессилия, когда ни семья, ни школа не могут объяснить детям простые истины — что такое «хорошо» и что такое «плохо». Скорбя по погибшим, он неожиданно обронил: «А ведь это и наше упущение, где-то мы недоработали»...

Это слова учителя, который знать не знал этого Бекмансурова и делал для воспитания подрастающего поколения, пожалуй, больше всех, но мужественно взял и на себя часть

вины! Вот что такое благородство, вот что такое совесть... Он считал себя в ответе не только за тех, кто рядом с ним — за этих-то ребят как раз можно быть совершенно спокойным, но и за всю юную поросль страны. Никаких сомнений, попади этот «стрелок» в подразделение, которым командовал Кожевников, он знал бы, на кого можно направлять оружие. Попал бы в его школьный класс, вырос бы достойным человеком, а не гнил бы в тюрьме, презираемый всеми.

Воспитанники Алексея Кожевникова, школа и педагоги-наставники — отдельная тема в его поэзии. «От вас из школы тяжело было уйти» — эта строчка из стихотворения «Педагогам посвящаю» в равной мере относится и к учителям, и к одноклассникам, и к своим ученикам. Из родной школы он уходил когда-то в большую жизнь, которая тогда казалось долгой, почти бесконечной. С тем же чувством Алексей уходил и год назад на войну, с которой не вернулся...

А как он радовался успехом своих девчонок, которые всей России доказали, что наш Очер — город футбольный.

О БЛИЗКИХ С ЛЮБОВЬЮ

В силу своего ума, таланта, храбрости и честности он всегда был на острие борьбы за справедливость. Алексей вообще не знал, что такое равнодушие. Как поэт, он тонко чувствовал главное и второстепенное, умел разделять заслуживающее внимания и мимолетный порыв, которым можно и пожертвовать.

Безусловно, самой вдохновляющей силой его стихов стала семья. Можно многое понять о человеке по тому, как он относится к своим близким. Заботливый сын, брат, всегда готовый прийти на помощь, верный муж и любящий отец — это все о нем, об Алексее.

*Закончу я письмо, мне станет лучше,
Я знаю, что ты смотришь на меня.*

Это он про отца, Сергея Михайловича — ветерана-пограничника, сотрудника МВД, добрейшей души человека, которого коллеги с любовью и уважением звали «Земляк». Много у Алексея от папы, в том числе и привычка не кланяться бандитским пулям.

Многое и от мамы, о которой до сих пор с теплотой вспоминают, как о чутком медработнике.

*Мне жизнь подарила — растила,
любила...*

Как она переживала за сына, когда воинская судьба забросила Алексея на охваченный войной Кавказ... Как переживал сам Алексей после смерти родителей, ушедших буквально друг за другом.

С каким уважением он пишет о старшем брате Александре, который учил его быть сильным и целеустремленным, с какой удивительной для солдата нежностью говорит о верной жене Марии и детях — Алеше и Насте.

*Жену, детей боготворю —
И это не отнять!*

Не экономил любовь Алексей, не боялся расплескать чувства — его большого сердца хватало на всех.

Мы мало знаем о последних часах и днях ушедших на небо поэтов. У войны короткая память, она не бережет документов, не щадит очевидцев. Сколько дарований погубила она — в самом расцвете сил, на взлёте, на полуслове. «Песен еще не написанных сколько? Скажи, кукушка...» Планов, задумок, мыслей. Сколько же, Алёша? Но твои стихи с нами. И то, что строки эти уже никогда не будут дописаны, налагает на них особую печать — печать вечности...

Максим ШАРДАКОВ